

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Пол Гудмэн

Свобода и автономия

Пол Гудмэн
Свобода и автономия
1972

*Перевод с английского. Freedom and Autonomy (1972) из «Drawing the Line
Once Again. Paul Goodman's Anarchist Writings», 2010 by PM Press*

1972

им всем конец.

Анархия требует компетентности и самоуверенности, уверенности в том, что мир существует для тебя. Она не процветает среди эксплуатируемых, угнетённых и колонизированных. Хотя, к сожалению, ей не хватает мощного импульса в сторону революционного изменения. Но в богатых либеральных обществах Европы и Америки существует обнадёживающая возможность следующего толка: истинно автономные люди, среди среднего класса, молодёжь, ремесленники и профессионалы, ничего не могут с этим поделать, но видят, что не могут более продолжать в современных институтах. Они не могут делать честную и полезную работу или достойно практиковать свою профессию; искусства и науки коррумпированы; умеренное предпринимательство должно покинуть все пропорции, чтобы выжить; молодёжь не может найти работу; растить детей тяжело; таланты душатся рекомендательными письмами; окружающая среда разрушается; здоровье под угрозой; общественная жизнь пуста; кварталы (neighborhoods) уродливы и небезопасны; коммунальные услуги не работают; налоги тратятся на войну, школьных учителей и политиков.

Вот они могут создать изменения, расширить территории свободы от попечительства. Такие изменения могут быть частичными и недраматичными, но они должны быть фундаментальными; многие современные учреждения не могут быть реформированы, а тенденция всей системы катастрофична. Мне нравится марксистское понятие «отмирание государства», но оно должно начаться сейчас, а не потом; и цель — не Новое Общество, но приемлемое общество, в котором может продолжаться жизнь.

ходят отличные от бунта способы, чтобы продолжить её делать, включая и пассивный отказ от сотрудничества). Чтобы начать анархистскую революцию, Бакунин в свой ранний период хотел полагаться именно на изгнанных, преступников, проституток, заключённых, согнанных с их земель крестьян, люмпен-пролетариев, на тех, кому нечего терять, даже цепей, но кто чувствовал себя угнетёнными. В мрачные дни расцвета индустриализма и урбанизации было достаточно войск такого рода. Но, естественно, людей, у которых ничего нет, трудно организовать и объединить для длительного дела, и они легко соблазняются фашистами, которые могут предложить оружие, месть, и секундную вспышку власти.

Трагичность угнетённых людей, стремящихся к свободе, такова, что они, если освобождаются, не знают, что делать. Не быв автономными, они не знают, как с этим обращаться, и прежде чем они это понимают, уже, обычно, слишком поздно. Новые менеджеры взяли власть, которые могут быть или не быть благонамеренными и пропитанными революцией, но не торопятся отказываться от власти.

Угнетённые слишком уповают на Новое Общество, вместо того, чтобы упрямо обращать внимание на свои собственные дела. Единственным успешным освободительным движением, которое я могу себе представить, является Американская революция, сделанная большей частью ремесленниками, фермерами, торговцами и профессионалами, у которых были дела, и которые хотели избавиться от вмешательства и в последствии наслаждались достатком в псевдо-анархии почти тридцать лет — о новом правительстве больше никто особенно не беспокоился. Они находились под защитой трёх тысяч миль океана. Каталонская революция во время Испанской гражданской войны вполне могла удалась, но фашисты и коммунисты положили

Многие анархистские философы исходят из жажды свободы. Там, где свобода является метафизической концепцией или моральным императивом, я остаюсь холодным — я не могу мыслить абстракциями. Но куда чаще свобода анархистов оказывается глубинным животным криком или религиозным воззванием, подобно гимну пленников в *Fidelio*. Они чувствуют себя заключёнными экзистенциально, природой вещей или Богом; или потому что повидали или испытали слишком много экономического рабства; или они лишились своих свобод, либо были колонизированы внутри империалистами. Чтобы стать людьми, им нужно стряхнуть с себя угнетение.

С тех пор как, в общем и целом, мой опыт достаточно широк для меня, я не стремлюсь к свободе, если только я не желаю «расширить сознание». Может быть, я чувствовал бы иначе, если бы я, например, подвергся давлению литературной цензуры, как Солженицын. Моей обычной жалобой было не то, что заключён, но что я в изгнании или был рождён не на той планете; самое последнее — что я прикован к кровати. Моя реальная проблема в том, что мир для меня непрактичен, и я понимаю, что моя глупость и трусость делают его ещё менее практичным, чем он мог бы быть.

Конечно, есть дикари, хватающие меня за горло, как и всех других, и мне хочется от них избавиться. Преступления против человечности и красоты мира, которые меня унижают. Атмосфера лжи, тривиальности и вульгарности, от которой мне неожиданно делается тошно. Власти, какие бы то ни было, не знают, что такое великодушие, и зачастую они просто чрезмерны и подлы; как говорил Малатеста, ты просто пытаешься заниматься своими делами, а они тебе не дают, а потом ты оказываешься виноват в произошедшей драке. Хуже всего, разрушающие Землю действия власти безумны, и как в древних

трагедиях и сагах мы читаем, как заносчивые люди совершили святотатство и обрушили рок на свои головы и головы своих близких, так и я временами суеверно боюсь принадлежать к тому же племени и ходить по той же земле, что и наши государственные мужи. Но нет. У людей есть право быть сумасшедшими, глупыми и заносчивыми. Это наша специальность. Наша ошибка — в вооружении кого-либо коллективной властью. Анархия — единственное надёжное политическое устройство общества (polity).

В этом всеобщее недопонимание, что анархисты считают, что «человек от природы хорош» и людям можно доверить управлять самими собой. В самом деле, мы придерживаемся пессимистической точки зрения; людям доверять нельзя, поэтому предотвратите концентрацию власти. Люди облачённые властью особенно склонны к глупости, ибо не сталкиваются с конечным конкретным опытом, и вместо этого продолжают вмешиваться в инициативу других людей и делать их глупыми и запугивать их. И представьте себе, что может сделаться с характером человека, если его обожествлять подобно Мао Цзе Дуну или Ким Иль Суну. Или если постоянно размышлять о неммыслимом, как хозяева Пентагона.

Для меня главным принципом анархизма является не свобода, но автономия. Так как начинать что-то и делать это по-моему, быть художником с конкретной материей — это род опыта, который я предпочитаю, я противлюсь, когда мне дают приказания внешние авторитеты, которые не знают проблемы и доступных средств конкретно. Чаще всего, поведение наиболее изящно, сильно и решительно без вмешательства top-down-авторитетов, будь то государство, коллектив, демократия, бюрократия корпораций, тюремные надсмотрщики, деканы, предписанный учебный материал или центральный

план. Это может быть необходимым в определённых случаях, но за счёт жизнеспособности. Это — эмпирическое высказывание социальной психологии, и мне кажется, доказательства отчётливо говорят в его пользу. В общем и целом, использование власти для исполнения заданий неэффективно на микроуровне (in the fairly short run). Власть внешняя мешает внутренней функции. Как говорил Аристотель: «Душа движет сама себя».

В своей последней книге «Beyond Freedom and Dignity» Б.Ф. Скиннер утверждает, что это защитные влияния смешиваются с действенным облагораживанием людей в пользу их целей — счастья и гармонии. (Дико читать в наши дни любительскую переформулировку утилитаризма Бентама). Он промахивается мимо цели.

В чём можно упрекнуть действенное облагораживание, это не то, что оно насилует свободу, но что поведение в последствии неуклюже и низко (low-grade), а также лабильно — оно не впитывается как вторая натура. Он так впечатлён тем фактом, что поведение животного вообще может быть сформировано согласно целям дрессировщика, что он не сравнивает результаты с изобретательным, гибким и зрелым поведением животного, вмешивающегося и отвечающего на своё естественное окружение. И кстати, достоинство (dignity — также «влияние», прим. перев.) не есть особенное человеческое качество, как он считает, но нормальная черта каждого животного, решительно защищаемая, когда его органичная целостность или личное пространство подвергаются нападению.

Жажда свободы, конечно, более сильный аргумент для политических изменений, чем автономия. (Я сомневаюсь в том, что она так же упряма, в любом случае. Люди, делающие свою работу по своему собственному усмотрению, обычно на-